

ИНТЕРВЬЮ

**главного редактора журнала «Полития»,
председателя Российского национального комитета
политической социологии А.М.САЛМИНА
председателю Правления Российской Ассоциации
политической науки С.В.ПАТРУШЕВУ**

Для отечественной политической социологии 2003 год – особый. И дело здесь не только в закономерном всплеске интереса к этой науке, связанном с очередным выборным циклом. В нынешнем году свои конгрессы проводят Российская ассоциация политической науки (РАПН) и Российское общество социологов (РОС). В этих обстоятельствах вполне естественно фокусирование внимания на состоянии и перспективах развития самой дисциплины, на проблемах конституирования политологического сообщества, на соотношении академической и неакадемической науки, политической науки и политических технологий... Редакция журнала «Полития» сочла уместным опубликовать интервью А.М.Салмина, данное в июле 2002 г., когда разворачивалась подготовка к политологическому и социологическому конгрессам.

Сергей Патрушев: Общим местом является утверждение о быстром развитии современной российской политологии, особенно после 1989 года, когда политическая наука была официально признана академической дисциплиной. Вы, один из лидеров политической науки в нашей стране, были и остаетесь активным участником политологического процесса – как исследователь, эксперт, консультант, преподаватель, руководитель политологического журнала и прочее, и прочее. Поэтому особый интерес представляет Ваше мнение об этапах и факторах развития российской политологии, ее современном состоянии и перспективах. По Вашему мнению, с какого времени отечественная политическая наука определяется в качестве самостоятельной отрасли знания и с какими исследованиями и исследователями связано ее конституирование?

Алексей Салмин: Я бы и согласился и не согласился – в разных контекстах – с утверждением, что развитие политологии начинается с 1989 года. В действительности все происходило несколько сложнее. После 1989 года у политологии появился (еще в Советском Союзе и затем, конечно, в Российской Федерации) естественный предмет для изучения – политическое общество. Худо-бедно оно стало развиваться. Стали проводиться регулярные выборы на альтернативной основе, в парламентах образовались фракции (не всегда, правда, связанные с партиями), «пошел» очень противоречивый процесс территориальной децентрализации, возник клубок проблем в отношениях

между центром и регионами России. Началось очень непоследовательное введение весьма несовершенно местного самоуправления. Возникло не всегда здоровое, но реальное разделение властей – вплоть до конфликтов на отдельных этапах. Образовались реальные группы давления самого разного рода. Рождались и умирали сотни и тысячи организаций, называвших себя партиями, ассоциациями, объединениями и т. д.

Иными словами, появился целый ряд проблем, начался целый ряд процессов, которые политология с большим или меньшим правом считает преимущественно своими, и которые занимают центральную область в политической науке в том виде, в каком она сложилась главным образом в Западной Европе и США, являясь в сегодняшнем мире «международно-признанной» дисциплиной. При этом, конечно, в каждой стране политология имеет какие-то свои особенности, иногда очень серьёзные. Это в подтверждение распространённого мнения.

В опровержение или, точнее, в дополнение его – в другом смысле и в другом контексте – можно сказать, что, конечно же, политическая наука в современном понимании развивалась в России и до 1917 года, и после этой даты, иногда под псевдонимами, причем долго – исключительно под псевдонимами. Между двумя революциями – в 1906–1917 гг. – в России выходили вполне по-современному выглядящие статьи и книги, посвящённые выборам и в самой России, когда они стали проводиться (в Государственную Думу, а потом в Учредительное собрание), и выборам в других странах. Появлялись историко-политологические работы, очень детальные, осуществлённые на уровне тогдашней политической науки. В канун первой мировой войны вышла, к примеру, книга В.Бутенко, посвящённая электоральной истории Франции, причем, вообразите, даже с цветными картами. Некоторые работы, называвшиеся современниками философскими, правоведческими или статистическими, имели (или могли бы иметь) значение для становления отечественной политической науки. Опыт М.Острогорского, П.Сорокина, части послереволюционной эмиграции свидетельствует о том, что науки об обществе тогда развивались как органическая часть европейской и мировой науки, и в этом смысле мало чем отличались от физики, химии или микробиологии. Другой вопрос – общая слабость и относительная бедность (в прямом смысле) тогдашней российской науки – микробиологии, химии, общественных дисциплин. Еще один, намного более сложный вопрос – связь политической науки с русской и/или западной политической философией. Связь философии и науки, очевидная в опыте Запада, в дореволюционной России проблематична. Создается впечатление, что русским политическим мыслителям и ученым перед революцией не удалось добиться рационального (и операционального!) выражения основ российской политики, в чем уже нуждалась – или думала, что нуждается – активная часть общества. Не случайно, видимо, белое движение у нас оказалось как в массе своей, так и в общем итоге, «непредрешенческим», а

большевики обосновывали свое право на власть наукой, которая, однако, строилась на догматах, то есть подозрительно напоминала скорее религию, пусть своеобразную, чем науку. В эмиграции эта проблема тоже решена не была, впрочем, отчасти по той вполне солидной причине, что русской политической философии в изгнании (Н.Бердяев, о.С.Булгаков, И.Солоневич, ныне здравствующий И.Андрушкевич и др.) просто недоставало страны. Труды же русских исследователей, работавших в парадигме западной политической науки своего времени и на материале стран Запада, стали органической частью этой политической науки.

В советский период, разумеется, никакой политической науки, как организованной дисциплины, в стране существовать не могло по определению. Во-первых, тотальная идеология предполагала очень жесткую внутреннюю организацию официального знания и развитие в первую очередь мобилизационных потенциалов в науке. Она не допускала существования любых дисциплин и школ, исходивших из презумпции автономного, то есть политического, развития общества и независимого же его изучения. Будь то на основах ортодоксальной религии или чистого разума. Во-вторых, господствующая идеология исходила из принципа экономического детерминизма, и политика рассматривалась как явление, подчиненное экономике, хотя на практике все происходило как раз наоборот. В-третьих, советский марксизм был глубоко провинциальным явлением, даже если и опирался на мощь глобальной сверхдержавы. Поэтому, когда политология была дозволена под разными псевдонимами, она обречена была развиваться вне связи с мировой наукой, и в этом смысле псевдонимы далеко не всегда были просто псевдонимами. Иногда они были подлинными именами псевдонауки.

При этом в рамках официального диалектического материализма, исторического материализма и научного коммунизма происходило ознакомление советской интеллигенции с достижениями западной политологии. Особую роль в этом играли весьма своеобразно читавшиеся в ведущих ВУЗах курсы «критики современных буржуазных учений» и т. п. Все более доступными для сотрудников высших учебных заведений и академических институтов становились спецхраны крупнейших библиотек и т. д.

Во время «оттепели», когда тогдашнему руководству СССР показалось, что ему надо лучше знать окружающий мир, стали создаваться различные страноведческие и регионоведческие институты. Возродились или были заново созданы комплексные исследовательские центры (ИМЭМО, ИМРД и др.), в которых многие исследования также основывались на страноведческом, в том числе компаративном, подходе. Была дозволена социология (вначале только «конкретная»), и создан соответствующий институт. В стенах всех этих институтов возникали и развивались целые школы и научные направления, проводились исследования, которые по своей направленности, по

своей методике в принципе являлись политологическими. Другое дело, что эти крупинки знания, а иногда и целые фрагменты политологии были включены всё в тот же мобилизационный контекст, который все больше утрачивал единство и смысл. Однако, чем дальше, тем больше сохранение официальной науки в первоначальном виде выглядело как обман – либо как самообман. Эти школы, эти направления приобрели инерцию саморазвития, у них появился свой собственный смысл существования, своя динамика, свои мэтры, ученики, ученики учеников и так далее. Конечно, далее интегрировать всё это в простую мобилизационную модель не было возможности, да, видимо, у тогдашних властей постепенно исчезали и желание, и способность это делать. Хотя репрессии против ИМЭМО в начале 1980-х гг. показали, что идеологическая машина только заржавела, но природы своей не утратила.

С.П.: Вы отметили, что уже в начале XX века в России появлялись профессиональные политологические работы. Не могли бы Вы сказать чуть-чуть конкретнее о российской политологии XIX века?

А.С.: Всё-таки, я думаю, что политологии, как таковой, в России в XIX веке не было, как не было ее тогда – в сегодняшнем понимании – и на Западе. И на Западе, и в России были, однако, правоведение, политическая история, политическая география, политическая философия, социология, психология – все то, из чего в конечном счете организационно и символически выделилась, синтезировав нужные ей фрагменты этих дисциплин, политическая наука. Имена западных политических философов и исследователей политики, сколько-либо значимые, были прекрасно известны в России. Их работы воспринимались как исследования некоей универсальной реальности, с наибольшей полнотой воплотившейся в просвещенной Европе и, затем, по другому – в США (после книги Токвиля, которого хорошо знали и не раз издавали в России). Еще труды кн. М.М.Щербатова, М.М.Сперанского, Н.М.Карамзина и др. заложили основы такой «руссцентрической» политической мысли, которая по стилистике, манере аргументации и др. в принципе не отличалась от европейской. Спор западников и славянофилов – первая многолетняя, по настоящему публичная, полемика, затрагивающая политико-философские проблемы. Тогда же возникает и то, что можно с известной долей допущения назвать «протосоциологией», в том числе – и протосоциология политики (споры о природе крестьянской общины, о происхождении и характере самодержавия и др.). Начиная с реформ Александра II и до самой революции, в России постоянно ведется более или менее публичная дискуссия о том, что происходит в обществе, и о том, как оно должно организовываться и управляться. Если угодно – «о духе законов». Все это темы политической науки, но еще не сама политология, которой, повторяю, в то время не было в современном понимании и на Западе. Сами по себе они ещё «политологического синтеза» не составляют. Это как кислород и водород в воде, политология – это син-

тез, а они – составные элементы. Разложить ее на эти элементы нелегко, но можно, а вот искусственно синтезировать...

С.П.: А когда всё-таки вода появилась политологическая?

А.С.: «Политологическая вода» – звучит недурно, хотя и двусмысленно!

С.П.: В двойных кавычках.

А.С.: В общем-то, по правде сказать, я думаю, что этот процесс ещё продолжается.

С.П.: Синтеза?

А.С.: Да. Какого-то синтеза, который на самом деле очень мало зависит от сознательных усилий отдельных людей. Он создаётся поколением по мере действительной или воображаемой надобности. Сегодня мы думаем, что у нас есть политика и, следовательно, что у нас должна быть политология. Ведь так, как будто бы, обстояло дело на Западе. Каждое из этих утверждений, однако, нуждается в доказательстве, а все они вместе – в сведении в систему. Когда мы в Фонде «Российский общественно-политический центр» создавали журнал «Полития», мы сознательно назвали его не политологическим журналом, а журналом политической философии и социологии политики. Сегодня в России это несколько более определенные категории, чем «политология». С одной стороны – метафизика власти, анализ оснований ее легитимности, интеллектуальной, культурной обоснованности тех или иных политических форм, решений, идентификаций и т. д. С другой – эмпирическое изучение политики, в том числе ретроспективный и сравнительный анализ политических явлений. Существуют, конечно, и у нас политическая психология, лингвистические подходы и многое другое, однако мы все это для простоты, хотя и не без упрощения, но, надеюсь, никого не обижая, записали по ведомству политической социологии, как дисциплины преимущественно эмпирической. Что важно сегодня в России, так это то, что у нас не решены базовые политико-философские проблемы, и эта область явно противостоит у нас всему остальному, не очень еще расчлененному, в возможном – но не обязательном – политологическом синтезе. Поэтому мы и остановились именно на такой дихотомии. На Западе современная политология реально возникла вовсе не путем искусственного синтеза философии и социологии, а в результате поэтапного решения политико-философских проблем Нового времени с использованием всех доступных средств, всех исторических и наличных ресурсов (античная и христианская философия, логика, математика, статистика, психология, впоследствии – даже физика и др.). Практического, а не только интеллектуального решения. Но когда это произошло, когда философия была «снята» в гегелевском смысле, мы можем «восстанавливать» (в химическом смысле) философскую составляющую политологии так, как нам хочется и может. Казалось бы, К. Поппер раз и навсегда снял вопрос о природе власти, изящно переведя его из плоскости простой причинности в плоскость причинности целевой. Только снял-то

он его тоже в гегелевском смысле, поскольку этот вопрос в тот момент уже был решен практически, и его дальнейшее обсуждение было тогда решением мнимой задачи. В России, однако, он не решен экзистенциально и эссенциально. Наука о политике на отечественный лад будет складываться как органическое целое, а не просто как механическая совокупность различных более или менее полезных дисциплин, вместе со складыванием самого общественного организма, который она изучает и который она направляет, в то же время подсказывая, иногда неправильно, как ему развиваться. Если нет моря, «воды», как Вы сказали, то зачем лоция?

Идеал универсальной политологии предполагает единство метода (точнее – совокупности проверенных методов), но не обязательно единство предмета. Однако единый метод работает в США, во Франции, в России, в Индии и т. д. в той мере, в какой существует единый предмет: выборы, политическое поведение, политическая коммуникация, партийное строительство и пр. Но дальше возникает два вопроса. О том, сколь важны для данного общества темы, не описываемые с помощью стандартных методов современной политической науки, то есть «не интересные» для нее. Это уже упомянутая проблематика метафизики власти и многое другое. И о том, насколько совершенны и универсальны методы, которые, по сути, ответственны за аберрацию зрения при кросс-культурном анализе. Кстати, вовсе не обязательно дело во всех случаях обстоит так, что для современной политологии «прозрачны» главным образом явления, характерные для той культурной зоны, в которой политология, собственно, исторически и возникла, как дисциплина, и не «прозрачны» характерные для различных политологических периферий. Иногда дело обстоит аккуратно противоположным образом.

Приведу пример из близкой мне области. Сегодня – мы не всегда это замечаем – в дополнение к известным и хорошо изученным формам общественной организации возникают новые, которые я совершенно условно называю в их совокупности «социальным компьютером». Это гибкая, самонастраивающаяся система самоорганизации властных, культурных и прочих отношений, которая создается как при осознанном технологическом вмешательстве со стороны традиционных структур, так и в результате самоорганизации людей. Предположим, мы занимаемся стратегическим планированием на основе процедур, использующих, в частности, экспертные оценки. Чтобы их эффективно применять, недостаточно знания самих этих моделей и даже умения приспособлять их к нетривиальным задачам. Нужна еще критическая масса экспертов, мыслящих стандартно, говорящих на одном языке и понимающих друг друга с полуслова. Не просто хороших, тем более, уникальных специалистов в своей области, а людей, принадлежащих к одному сложившемуся слою и в идеале взаимозаменяемых. Если, скажем, это экономист, он должен дважды в сутки следить за основными индексами, другими стандартными показателя-

ми и т.д. И он должен быть готовым в любое время дня и ночи высказать стандартное экспертное суждение, отличающееся от суждений других экспертов в пределах десятых или сотых после запятой, а не с таким разбросом положительных и отрицательных величин, что средняя арифметическая экспертных оценок в пределе будет стремиться к нулю. И это еще далеко не все. Внешними условиями относительно надежного прогнозирования и основанного на нем планирования являются также рутинно действующая бюрократия, рутинный политический процесс, относительно неизменная структура институтов и устойчивая правовая среда. Плюс к этому – сложившаяся система нравов и обычаев. Иначе эффект использования таких моделей можно будет сравнить с полезностью самолета в местах, где никогда не было ни аэродромов, ни керосина, ни летчиков, ни диспетчерской службы. Речь идет об устойчивой, хотя и гибкой, самонастраивающейся системе властных, экономических, культурных и др. отношений между людьми, которая создается при их осознанном технологическом вмешательстве. Это последнее обстоятельство отличает такие системы от других – как более спонтанных и традиционных, так и от более жестких мобилизационных форм социальной организации. Повторяю, что новые системы не подменяют их собой, а дополняют и отчасти компенсируют наиболее раздражающие проявления функционирования последних. Сравните, к примеру (намеренно говорю об относительно простых системах) современную американскую или британскую армию с соответствующими армиями полвека назад. Иногда говорят о сетевом принципе самоорганизации, но только к сетям новации не сводятся. Новая система предполагает формирование как искусственных однородных сред (аналог – материалы с заданными качествами), так и искусственных, как бы игровых, иерархий, цепей и сетей отношений. Все это создается как через социализацию, так и с помощью социальной и политической инженерии (аналоги – селекция и генная инженерия). Еще один элементарный пример: специалисты в области изучения такой субкультуры, какой является полиция, в какой-то момент догадались, что полицейских по ряду причин лучше отправлять на патрулирование попарно, и притом пары должны состоять из мужчины и женщины и т. п. Лозунгом современной социальной организации могла бы стать фраза: «Необходимая социокультурная среда в необходимом хронотопе». Это совсем не то же самое, что нужное число необходимым образом подготовленных и организованных людей в нужное время в нужном месте. Этого, как правило, нет у нас. У нас нет достаточных критических масс экспертов, мыслящих стандартно, говорящих на одном языке и понимающих друг друга с полуслова. Скажем, экономический эксперт у нас, как правило, – хороший экономист, уникальный специалист в своей области. Там – фабрика с запатентованными технологиями, у нас – ремесленник со своим секретом.

В итоге там – современный компьютер, у нас более или менее грамотно составленная (в смысле не искрящая) цепь из радиоламп,

триодов, печатных схем разных поколений и т. д. Там на выходе – осмысленный и практически применимый результат, здесь – результат, значение которого невозможно оценить и который поэтому лучше не применять. «Наш человек», если он имеет образование, позволяющее ему работать за границей (знание языков и необходимых реалий, плюс к общему образованию), часто неплохо вписывается в тамошние системы отношений, потому что они по определению рассчитаны отнюдь не на сверхчеловеков, а на стандартно образованного среднего обывателя. Более того, наш «гений» часто в определенных отношениях заметно превосходит тамошние «винтики» в силу своей разносторонности. Однако у нас, среди таких же «разносторонних» собратьев, сотрудников и соратников, он неэффективен. У нас – «гениальные» пользователи как обычных, так и социальных компьютеров и талантливые разработчики программ для них, но у нас не умеют создавать ни обычные компьютеры, ни социальные. Последнее историческое достижение нашего общества в области создания социальных систем – так называемая командно-административная система: с ослабленной обратной связью, не гибкая, не самонастраивающаяся. Ее современница и аналог в мире компьютеров – ламповая ЭВМ, не входящая в сеть. После крушения КАС из крупных и относительно эффективных социальных систем в России существуют главным образом те, что связаны с добычей и экспортом природных ресурсов и с «космосом» (право же, не знаю, о чем можно говорить сегодня – о его исследовании, освоении, поддержании на основе мифа 60-х гг. самодостаточности системы или о чем-то другом). Я не убежден, что все эти вещи адекватно исследуются и на Западе. Просто потому, что там, подобно мольеровскому герою, не догадываются, что «говорят прозой». А у нас они не вполне адекватно воспринимаются, поскольку не описаны на Западе. Непосредственное приложение западных по генетике концепций к российской (в данном случае говорю только о России) – известная беда отечественной мысли. Но существует, возможно, еще большая беда: «незрячесть» в отношении того на Западе и в России, что этими концепциями не описано.

Плачевный исход серии реформ, начатых при Александре I и завершившихся революцией при Николае II, а также неопределенный на сегодняшний день итог реформ, связываемых с именами Горбачева и Ельцина, заслуживают того, чтобы российское общество, верховная власть, но в первую очередь, конечно – политическая наука пристально изучили возможные системные причины неудач и провалов. Представляется, что в немалой степени эти неудачи связаны с отсутствием рефлексии по поводу природы власти. В частности и в первую очередь того, что по определению должно быть простым послушным орудием верховной власти – государственного аппарата. Уже последним российским императорам не доставало, похоже, ясного понимания того, что бюрократия для них – не только обычно послушная рука самодержавия, но, особенно в критических ситуациях, также и иная, «лука-

вая» ипостась революции. Не хватало и политической воли, политического бесстрашия, если хотите (помните Генеральные штаты 1789 г.?!), чтобы опереться в противостоянии и Бегемоту, и Левиафану на народное представительство и самоуправление. Советским же правителям, кроме разве что М.Горбачева, мысль об институциональном ограничении номенклатурного чиновничества, судя по всему, и в голову не приходит. Они либо чувствуют себя в силах постоянно справляться, как Сталин, Хрущев и, возможно – Андропов, с многоголовой гидрой номенклатуры, либо увязают в тенетах рутинной власти, становятся ее орудиями настолько, что даже наедине с собой, кажется, не решаются подумать об изменении порядка вещей. Если в ряде стран, на которые Россия равнялась не только в 1990-е гг., но и до 1917 г., бюрократия оказалась так или иначе ограниченной в своей власти и специализированной, то в России этого не происходит. И дело, здесь, отчасти, в том, что в этих странах, чья политическая мысль, несомненно, влияла на отечественную, не была выработана особая «противобюрократическая» политическая философия, в которой там, по большей части, просто не было практической надобности. Проблемы необходимости народного представительства, самоуправления, независимого суда и т. д. ставились в них совсем в других контекстах, прежде всего – в контексте сословного самоутверждения, а затем – антисословных, классовых реформ и революций, наконец – этнокультурных движений. Задача создания институциональных конкурентов угрожающе крепнувшей бюрократии, таким образом, если не решалась сама собой, то и не выходила на первый план политической теории и практики, как самостоятельная и ключевая проблема государственного строительства.

Именно неполная адекватность в этом отношении западного политико-философского контекста тому, что происходило в России, во многом мешала российской самодержавной власти понять проблему представительства и самоуправления не как сословную, классовую или «национальную», к чему власть не была и не могла быть готова, не как специфически «западную» – а как свою российскую, как управленческую (в ряду петровских, екатерининских, александровских реформ), решение которой необходимо прежде всего для самосохранения и укрепления самой исторической власти. Этот диссонанс настраивал последних Романовых против «европейских революционных» институтов, которые, в конечном счете, и действительно вначале возникли у нас как чисто революционные, будучи силой вырванными у самодержавия в 1906 г., а затем и немало способствовали его краху в марте 1917 г.

Не было противобюрократического генотипа и у эрзац-плана государственного строительства 1990-х гг. Когда, начиная с конца 1980-х гг., в России происходит «возрождение» парламентаризма, федерализма и самоуправления, они вновь начинают восприниматься преимущественно в западном политико-философском контексте – как

способы разделения властей по горизонтали и вертикали с целью ограничения центральной исполнительной власти. Но понятие такой власти в России – абстракция, поскольку за ним скрывается глубоко противоречивое «двуединство» верховной власти и бюрократии, то есть, по сути – никакая не специализированная исполнительная власть в современном понимании, а все та же самодостаточная постсоветская номенклатура. Что же касается самого Запада, то и там общеполитологическая теория разделения властей давно уступила место гораздо легче переводимой на политико-технологический язык концепции «сдержек и противовесов», в которую органически, хотя и не всегда заметно, входит и представление о необходимости сдерживать государственный аппарат нормами и уравнивать его институтами.

С.П.: Если продолжить эту тему, мне кажется важным, наряду с какими-то общими условиями, порождающими эту ситуацию, остановиться еще на одном аспекте – на профессиональной подготовке. Каковы, на Ваш взгляд, издержки подготовки российских политологов? Этот процесс, как известно, идёт довольно активно, есть соответствующие отделения и в СПбГУ, и МГУ, и ВШЭ, и МГИМО и в других университетах, которым, как известно, сегодня принадлежит заметное место в политической науке – в нашей, российской, какой бы она ни была. И в то же время, видимо, определённые издержки, связанные с этой подготовкой, существуют.

А.С.: Издержки не так важны. Важнее дефициты.

С.П.: Какого рода?

А.С.: Дефициты, от которых просто так не избавишься. Это не стандартная экономическая система, где, отменив регулирование цен, автоматически разделяются с дефицитами. Со сферой политического знания можно было бы сделать то же самое, но тогда мы утратили бы преемственность с национальной традицией, национальной культурой, национальной политикой, наконец. Да, пожалуйста, можно создать ситуацию искусственного кровообращения, можно подключить российскую политологию к сегодняшней американской. Тем более, что к германской, не в обиду ей будет сказано, подключать либо уже поздно, либо еще рано, к французской, британской и др. – все менее интересно и плодотворно, по крайней мере – здесь и сейчас. «Европейской» же политической науки в данный момент не существует ни в категориях позапрошлого века, ни в смысле ЕС. Сегодня существует политология, как мировая наука, в той степени, в какой она является – а она отчасти является и всегда будет – наукой точной. А так же в той степени, в какой универсальны исследуемые явления, в какой они не являются псевдоморфозами или, по крайней мере – не являются незначимыми псевдоморфозами. В то же время, как наука гуманитарная, она если и не является вполне, то все больше становится, наукой *Rex Americana*, что, кстати, далеко не то же самое, что «американская наука». Разница – как между английским языком, в любом месте от Висконсина до Новой Зеландии, и тем английским, на

котором изъясняются между собой хотя бы все политологи, чтобы далеко не ходить, от Токио до Буэнос-Айреса. Я думаю, любой российский автор, пишущий для отечественных изданий и для изданий западных, прекрасно понимает то, о чем я сейчас говорю. Так вот, о подготовке. Главный дефицит – это отсутствие общей перспективной системы образования – не политологического, а образования вообще – которое было бы ориентировано на то, чтобы в России в обозримом будущем возникли конкурентоспособные «социальные компьютеры». Отсутствует, к сожалению, даже понимание задачи, ее постановка. Часто, когда мы говорим о реформе образования, то пытаемся имитировать какие-то формы, существующие в разных странах. Но там они тоже существуют в других контекстах.

С.П.: Это касается, видимо, не только образования...

А.С.: Да, но образование – это то, что наиболее очевидным, чтобы не сказать – грубым (хотя и не всегда предсказуемым) образом программирует будущее. Что можно сделать в этой ситуации? Прежде всего, понять, в чем наши действительные проблемы. Это не проблема социальной структуры, не отсутствие среднего класса, о чем часто говорят – это всё разговоры на языке XIX века! У нас дефицит тонких форм социальной самоорганизации, которые, помимо прочего, делали бы общество в целом конкурентоспособным в современном глобализирующемся мире. Но эти формы невозможно создать, не опираясь на традиции, не выявляя их и их не развивая. Все «незападные» общества, которые доказывали в последнее столетие свою конкурентоспособность, использовали свои исторические, цивилизационные, если хотите, ресурсы, а не просто копировали внешние формы универсальной культуры. У нас три выхода из этой ситуации, и два из них не очень хорошие. Либо мы сознательно создаем у себя эти тонкие формы методами социальной и политической инженерии, отнюдь не тождественной нынешним «политическим технологиям», хотя и не игнорирующей их опыт. Это предполагает сосредоточенную профессиональную деятельность власти, дополняемую усилиями – в своей сфере – гражданского общества, включая его культурную «самомобилизацию». Здесь – огромная сфера приложения творческих сил всего общества. В особенности той его части, которая прошла искушение политтехнологиями, пиаром и т. п. В этом случае у России сохраняется шанс остаться ведущей страной и суверенным государством. Либо мы активно включаемся в «чужие» социальные компьютеры – в этом, собственно, и состоит один из вариантов и вызовов глобализации. Это происходит за счет фактической (если не формальной) утраты суверенитета, хотя бы потому, что архаичные национальные системы прямой и обратной связи во властной и экономической сферах просто не смогут с ними конкурировать. Либо, наконец, мы оказываемся неспособными ни создать у себя свои, ни интегрироваться в чужие системы такого рода, что выталкивает страну на периферию мирового развития. Собственно, эти три сценария связаны с выбором одного из

формирующихся миров: «нового первого», «нового второго» и «нового третьего». Очень важно, что нам надо не просто догонять, нам надо на опережение действовать – чтобы попасть в движущуюся цель, надо давать упреждение. В этом разница между моделями «догоняющего развития» в собственном смысле слова и теми, которые, при всех издержках, были использованы странами, мобилизовавшими свои культурные ресурсы.

С.П.: Ключевые слова, продолжая ту же аналогию, – это алгоритм, структура?

А.С.: Да, но не только.

С.П.: То есть необходимо разрабатывать алгоритмы.

А.С.: Необходимо создавать социальные среды.

С.П.: Среда и правила игры. Они формируются правилами игры...

А.С.: Для системы образования важен вход и выход. А что происходит в «черном ящике» – это совершенно особая проблема, важная для тех, кто внутри, для специалистов, наконец. А у нас постоянно унифицируют содержимое «черных ящиков», и потом удивляются, что на выходе они дают совершенно разные результаты. Все это от недоверия к другому человеку, как вершине Божественного творения, и от переоценки собственных достоинств в этом качестве. Итак, первая задача – это сформулировать задачу. И в соответствии с этой задачей выстроить, трансформировать, точнее – переформатировать систему образования. А в рамках этой общей трансформации найти место для современного преподавания политических дисциплин.

С.П.: Но в какой степени эта задача будет связана с тем, что раньше называлось социальным запросом?

А.С.: Вот это вопрос вопросов, на самом деле. И запрос запросов, если только он будет.

С.П.: Хорошо, что появился объект исследований. Худо-бедно формируется предметная сфера политологии, об этом мы ещё поговорим, очень деформированная, на самом деле, предметная сфера политологическая – исследования элиты, региональные, электоральные исследования, по преимуществу. Но, зачем?

А.С.: Перед политологами – не скажу перед политологией, поскольку само её существование у нас ещё вопрос (это, кстати, плодотворные периоды для людей науки, когда они сами сомневаются в том, существует ли их дисциплина или нет), так вот, перед теми, кто определяет себя, как политологов, стоят важные задачи. Им необходимо профессионально убеждать власть в необходимости решать определенные проблемы, выступая в некоторых случаях от своего имени, а в других – в качестве своеобразного профессионального «адвоката» общества и отдельных его сегментов. При всех культурных и исторических различиях у любой власти в любом хронотопе есть одна универсальная особенность. Если она не одержима какой-то манией в облики благородной идеи (а наша нынешняя – всех уровней – по моему, такими маниями не одержима, у нее другие достоинства и дру-

гие недостатки), она никогда, нигде и ни за что не будет делать то, что ей, власти, в данном месте и в данный момент не нужно. Даже если ее будут на коленях упрашивать, угрожать ей снизу, приказывать со стороны и т. д. У власти инстинкт и многотысячелетний опыт игнорирования всего этого. Властям следует профессионально делать предложения, от которых невозможно отказаться – в любом смысле. Из реальных возможностей – лучше всего объяснять ей проблемы с точки зрения её собственных интересов, того, какая ей, власти, от предложенного будет выгода, и какие неприятности для нее воследуют, если предложение не будет принято. Это, конечно, важнейшая задача для современного политологического сообщества в том виде, в каком оно существует. Не совершенного, конечно, отдельного от власти – власть сама по себе, оно само по себе. С ним совещаются не потому, что это нужно власти по сути, а потому, что нужно показать – со специалистами совещаются, они там что-то сказали, но, видите ли, они даже между собой не договорились, их рекомендации ни к чему не ведут, поэтому мы, грешные, будем делать, как умеем. И, согласитесь, в такой позиции есть рациональное зерно.

С.П.: В то же время модный сейчас процесс – политологизирование, простите за выражение, самой власти. Когда некоторые политики, я с этим неоднократно сталкивался, начинают считать себя профессиональными политологами, как только становятся депутатами или занимают какой-то государственный пост. Они мгновенно начинают всё знать и всё понимать! Крупные исследователи! Потом это оформляется в научные степени...

А.С.: Это имитация, если угодно – симулякр, по Бодрийяру. Возникает система, которая внешне похожа на искомую, но она другая. Слова похожи, но не грамматика. Однако у проблемы «элитарной политологии» есть и другая сторона. На наших глазах меняется интеллектуальная элита в том виде, в каком она сложилась и существовала в 1990-х гг. Кризис проявился в форме исподволь возникшего диссонанса между двумя сегментами интеллектуального сообщества. Между собственно аналитическим сегментом и сегментом аналитико-технологическим, рассуждающим не ради смысловой системы (всегда внутренне противоречивой, как противоречива сама жизнь и сама мысль), а ради смысловой системы власти, с ее императивом непротиворечивости, и как бы от имени последней – независимо даже от того, как она сама к тому относится. И дело здесь не в том, что новая политическая элита «отталкивает» от себя интеллигенцию, что последняя не оправдала возлагавшихся на нее надежд или что она на власть «обиделась». Просто в начале нового десятилетия в России происходит совершенно естественный процесс «развода» между функциональной и рефлексивной интеллектуальными элитами. Включая их, условно говоря, политологические составляющие.

У тех, кто создает технологии власти и, иногда, для власти, и у тех, кто «осмысливает смыслы» – разные роли. И, в принципе, эта

практика должна встраиваться в мир смыслов, попутно изменяя его, а не наоборот, иначе обесмысливаются не только практика, но и сами смыслы. Это не исключает постоянного диалога между первыми и вторыми, более того, даже предполагает такой диалог. Конечно, вестись он должен на более выверенном аналитическом языке, чем тот арго, который успело создать синкретическое интеллектуальное сообщество в последнее десятилетие. Его акме – грандиозное мыследействие в «Александр-хаусе» несколько лет назад, когда власть пыталась привлечь всех, кого только можно, и даже кого нельзя, то ли к выработке, то ли к оправданию выработки правительственной программы. Наследие методологического синкретизма 1990-х гг. еще долго будет ощущаться обеими частями интеллектуальной элиты. «Гиперфункционализм» со всеми его интеллектуальными и нравственными издержками – с одной стороны, «недореклексия» – с другой: такова плата интеллектуальной элиты за этот синкретизм. Чем скорее обе от него избавятся, тем лучше. Наверное, «развод» происходит поздно. Многие годы отсутствие разницы потенциалов между двумя группами было одним из препятствий при попытках предложить общественно значимую стратегическую инициативу, цель которой – выработка действительно современной, выполненной не ниже мирового уровня, программы развития страны на длительное время. Наверное, все же, лучше поздно, чем никогда.

С.П.: Если власть в каком-то смысле везде одинакова, что, видимо, верно, то, очевидно, политологические сообщества всё-таки различаются. Для нашего политологического сообщества, как мне кажется, характерен ещё один дефицит – это дефицит его структурирования. Нередко отечественные политологи интересуются: а что я буду иметь в результате организации сообщества? И политологическое сообщество тоже задаёт вопрос: а зачем нам надо организовываться? С Вашей точки зрения, зачем политологическому сообществу надо организовываться и, если такая задача стоит, какие здесь возникают препятствия, трудности, что надо сделать для эффективной самоорганизации этого сообщества?

А.С.: Кстати, насчёт власти. Власть по интенции и повадкам везде одинаковая, ей, как и обществу, нельзя отказать в праве на эгоизм, будь-то эгоизм коллективный или индивидуальный. Но устроена она везде по-разному. Как-то с одним известным английским экономистом мы стали от нечего делать обсуждать, кем бы мог стать Гитлер, родись он в Англии своего времени. Наверное – кем угодно, но крайне маловероятно, чтобы «лидером британской нации». Мы решили, что, скорее всего, он стал бы либо скандальным журналистом, либо агентом Коминтерна, либо главой клуба поклонников Муссолини. Может быть, он вообще уехал бы из Британии на какую-нибудь далекую войну или революцию, подражая Киплингу или полковнику Лоуренсу... Что касается политологического сообщества, если о таковом можно говорить, то оно должно понять, чего оно само хочет. Если вообще

хочет чего-то. Россия сегодня оказалась на историческом распутье. Многие страны оказываются в какие-то периоды своего существования там, откуда пути ведут в разные стороны, и, находясь в таком месте, приходится переосмысливать прошлое и прогнозировать будущее политики. Однако сегодня России брошен не только политический, но и культурный вызов, реально, а не только интеллектуально, ставится под вопрос ее традиция, ее культура, вне которой невозможно представить себе генезис ее государства и общества. Сегодня нас искушает всемирно-исторический «Чаадаев», и объявить сумасшедшим его, в отличие от Петра Яковлевича, не так-то просто хотя бы с чисто практической точки зрения. Вообще говоря, чтобы не остаться безнадежно провинциальной, постсоветской политической мысли предстоит решать не столько проблему «встраивания» в западную политическую науку, сколько проблему универсального осмысления того, что происходит сегодня с миром. Традиция такого осмысливания тоже существует в России, хотя и своеобразная. В XIX веке, но также в XVIII веке, и даже в XVII, роль универсального политического философствования в каком-то отношении брало на себя русское беллетристическое творчество. Взять хотя бы Ф.М. Достоевского. Он испытывает на вкус, на цвет и т. д. чуть ли не все плоды более или менее современной европейской политической мысли, весь ее спектр, условно говоря – от Жан-Жака Руссо до Жозефа де Местра. Все это, в общем, было очень опосредованно связано с состоянием и течением политической мысли в самой России.

С.П.: Это было необходимостью или неизбежностью?

А.С.: Не знаю, может быть, обходимой неизбежностью или избегаемой необходимостью. Можно бесконечно долго говорить об этом. Как бы то ни было, универсалистское мышление и российская политическая мысль развивались, как правило, не то чтобы параллельно (они постоянно пересекались и сталкивались), но – не демонстрируя синтеза. В итоге на сегодняшний день не решена важнейшая проблема – что представляет собой российское государственно-общественное «тело» и каков его политико-правовой «скелет». Ведь государство и право – это сплав, который простым способом нельзя разделить...

С.П.: Это то, что называется конституционным принципом, конституционализмом в широком смысле.

А.С.: В самом широком и в самом глубоком. Конституционализм как жизнь, как устройство жизни...

С.П.: ...и как согласие с этим устройством.

А.С.: Да, но если мы исходим из того, что право – это что-то значимое, мы должны понять, что таким может быть не всякое право, а только право законное. Это словосочетание – только по видимости плеоназм. Бывает и незаконное право, как бывают преступные приказы. Сегодня мы все еще находимся в такой ситуации, когда законное право, уничтоженное незаконным путем в марте 1917 года, не восстановлено. Именно в марте того года были нарушены и менее чем через

год полностью отменены действовавшие законы Российской империи, не ставившиеся, кстати, *in corpore* под сомнение ни одной серьезной политической силой. Разумеется, отдельные законы критиковали, и, наверное, правильно. Но само право, весь его корпус, не критиковал никто, даже большевики. Найдите у большевиков хоть одну инвективу против корпуса права, как такового! Этого не было, такое просто в голову никому прийти не могло. Однако в марте 1917-го незаконным путем была изменена система правления. Коготок увяз, всей птичке пропасть – очень скоро большевики одним декретом «отменили» все законы российского государства.

Нам необходимо выйти из этой ситуации. Как это сделать? Вообще-то, законное право не уничтожается произвольным актом, его действие лишь фактически приостанавливается незаконной властью на контролируемой ею территории. Собственно, та власть и является незаконной, которая отказывает законным образом не отмененным законам в их праве применяться – это и есть критерий незаконности власти, а не всегда относительные «неправильность социальных идей», «жестокость», «функциональная неэффективность» и т. д. Законная же власть в принципе даже не обязана декларировать его восстановление, разве что для сведения тех, кто и имени главы государства не знает. Кстати, белые правительства его действие немедленно восстанавливали всюду, где поднимался трехцветный флаг. Конечно, в силу фактически сложившихся обстоятельств, в реально возможном объеме и с необходимыми новациями. Дело ведь не в буквализме – в одну реку не войти дважды – а в демонстрации того, что вся система прав и обязательств, складывавшаяся столетиями, не исчезает оттого, что кто-то вдруг чохом отменил ее ради своей корысти, по невежеству или из хулиганских побуждений. Мы никуда от этого не денемся, придется рано или поздно признать существование проблемы и решить ее. Мы должны понять, кому мы наследуем в правовом и государственном смысле – тысячелетней России, разбоем 1917 года, или вообще никому. Тогда надо создавать государство «с нуля», потому что в противном случае это будет новая декорация, прикрывающая все то же наследие того же разбоя. А если создавать все с нуля – это будет отъятие дубинки у явного вора «незаконным владельцем», не таким свирепым и, возможно – благонамеренным. Пока, что бы у нас ни говорилось по этому поводу, мы колеблемся между вторым вариантом и третьим. Как решить проблему практически – это вопрос отдельный.

Преимущество такого подхода состоит и в том, что он снимает и вопрос о «выбрасывании» каких-то этапов из нашей тысячелетней истории, и о выборе между абстрактными моделями монархии и республики. Мы просто возвращаемся в правовое пространство: не потому, что кому-то империя нравится больше, чем СССР или РФ, а потому, что нельзя не вернуться к законному состоянию. Легитимизм и монархизм в наших сегодняшних условиях – не вполне одно и то же. Отдельные элементы права, очень многие элементы требуют рационального

объяснения и коррекции, но сам принцип легитимности государства – не требует. Легитимность едина и неделима. Почтение к праву восстанавливает и уважение к законам. В частности, – это последнее по списку, но не по важности, – восстанавливается уважение к собственности. Невозможно внушить уважение к собственности сегодня, не признав, что право собственности было нарушено в 1917 г. Не только с самой собственностью, но и с правом собственности поступили тогда совершенно незаконным образом. Государство, которое принимает ответственность на себя за содеянное и намерено восстановить *status quo ante*, не может поступить иначе. В противном случае, мы не сможем ни возродить ничего достойного возрождения, ни, тем более, создать ничего нового, достойного лучшего в нашей истории.

Сразу оговорюсь, чтобы быть правильно понятым: я вовсе не имею в виду призыва к восстановлению монархии. Однако, согласитесь, что в России вообще трудно отвергать проблематику монархии в принципе и, соответственно, значимость проблемы государственно-го строя. С чем, собственно, сравнивать идею монархии, и что ей противопоставлять? Все-таки более тысячи лет нашей страной правили законные самодержцы, несколько десятилетий (в XVII и XX вв.) – незаконные и только семь лет из тысячи ста сорока четырех мы сами избираем себе глав государства, которых сами же потом и обвиняем в проявлении самодержавных наклонностей. Уже целых два раза избирали главу суверенной РФ! Вообще, самодержцев – легитимных, самозванных и всенародно избранных – в России не ругает только ленивый, монархия в стране, если верить социологам, не популярна, но я отчего-то не сталкивался у нас в Отечестве с таким видом творчества, как сколько-нибудь последовательное республиканское философствование. У нас даже мало кто знает, когда в России была провозглашена республика, кем и при каких обстоятельствах. Отсутствие царя на троне и в голове, между тем, – еще не республика. Так что дело совсем не в принципе, который мало кто последовательно отстаивает и совсем никто последовательно не отвергает. Трудно быть «практическим монархистом» при отсутствии государя или признанного хотя бы всем царствовавшим домом наследника престола. Это почти то же самое, что кавалеристу скакать без коня. Но не менее трудно быть и республиканцем, когда республика вроде бы есть, но никто ее законным путем не учреждал. Между тем, монархия и республика – это не просто наследственный глава государства или выборный, это вся система самопонимания, воспитания верноподданного (опошленное слово!) или гражданина – еще одно опошленное слово... Это определенный «дух законов». Они разные в монархии и республике. И избрание для России законной формы правления – это не только политтехнологический выбор, но и политико-культурный.

С.П.: Вернемся к проблемам самого политологического сообщества. Вы сказали замечательно о проблемах политической науки, о том, что мы должны исследовать, что мы должны понять для себя и

как учёные, и как граждане. В какой степени этот гражданский статус политолога сегодня утверждается? Как Вам видится состояние политологического сообщества с этой стороны? Не с точки зрения проблематики, а с точки зрения самостояния самих политологов. Мне кажется, эта проблема важна. Да, блистательные люди появляются. И вообще много всего. А с другой стороны, смею утверждать, что сообщество фактически не формируется. И в значительной степени, на мой взгляд, здесь проблема гражданской позиции как таковой, как ни странно, проблема самопонимания политолога и как профессионала, и как гражданина.

А.С.: Сообщество не формируется... Но что такое сегодня политология с этой точки зрения? Это некий котёл, внешняя форма. Чтобы сварить борщ, нужно иметь специальный котёл, и в этот котёл в нужный момент добавлять должным образом подготовленные ингредиенты. Трудно сказать, как в других случаях, но в этом конкретном я рассуждаю с полным знанием дела. Недавно на Украине я попросил рецепт борща и с удивлением понял, что в него входит больше составляющих, чем я подозревал, причем не всегда тех, о которых я знал. Думал, что знал. Еще мне поведали, что главный секрет – в технологии приготовления, в алгоритме, как Вы говорите. Это, конечно – борщ. Но и политологическое сообщество – не такая простая вещь, как иногда кажется... Политология у нас формировалась – я говорю о современной российской политологии, ВАКовской, институционализированной дисциплине – в тот момент, когда сделали, условно говоря, котёл под названием «политология» (далее – ВАКовские номера специальностей) и стали бросать туда, что было под рукой. А потом удивляемся: а почему у нас варится что угодно, только борщ не варится? Политологией занялись самые разные люди и по самым разным соображениям. Страшные последствия имело прекращение преподавания научного коммунизма в ВУЗах. В политологов перекалывали бывших научных коммунистов. Не говорю об отдельных людях – под казенными мундирами многих «научных коммунистов» всегда билось политологическое сердце. Но тут целые коллективы, целые кафедры повзводно, побатальонно, развернув знамена, под барабанный бой вошли в политологию и разбили там свой бивак. БИВАК... ВАК в этой ситуации не справился со своей ролью. Накатила волна работ, которые являются политологическими только методом исключения. Потому что это точно не история, точно не социология, вроде бы не философия и совершенно точно – не экономика. А потом в политологи конно, людно и оружно пошли политики и чиновники. В основном через кафедры-трансформеры. И вновь не хочу судить огульно – и чиновники бывают разные. Потом добавился еще контингент специалистов в области «практической политологии» – дело хорошее, но их отношения с тем, что является основным руслом политологии, с самого начала не были определены. Спрос на политтехнологов очень велик и, естественно, многие кафедры, едва перестав быть

научно-коммунистическими, начали в массовом порядке готовить малообразованных во всех других областях политических технологий. Обладающих, однако, поразительными способностями, которые заставляют трепетать людей по всему миру – от Огненной Земли до Берега Скелетов – когда российские политические технологи врываются в туземный политический процесс. Потому что, обладая всеми качествами западных политических технологий, они лишены целого ряда ограничителей, которые существуют у тех. Наконец, пресса повзвилась называть «политологами» политических обозревателей – нередко очень хороших – что окончательно запутало картину. Все эти метаморфозы совершались в очень сжатые сроки в период, когда от новожденной дисциплины со своим только формирующимся у нас предметом исследования требовалось предельная скромность, сдержанность, осторожность. Если дисциплина так формируется... Почитайте, любопытства ради, вестники ВАКа по политологии. Многие политологи занимаются не исследованием политики в стране и в мире, используя и изобретая адекватные методы и подходы, а конструированием науки (дисциплины!) «политологии». По образцу «западной» или на свой салтык. Отвлеченно конструируют. И эта похлебка из топора уже сварилась, и в борщ ее никак уже не превратить, что в нее ни добавляй. Что теперь делать с этой субстанцией я, честно говоря, не представляю. Хоть закрывай Америку! Некоторые доктора и кандидаты политических наук – из первых защитившихся в нашей стране – сегодня жалеют, что не защищались в свое время по истории, философии или социологии.

С.П.: То есть с самого начала не заданы стандарты...

А.С.: Заданы, но только, к сожалению, не те. И сейчас остается надеяться на процесс какого-то самоочищения или/и на сознательные действия в, так сказать, точках роста. Я думаю, каждый из нас понимает, что для него это значит. Надо писать, надо устанавливать контакты с коллегами – по сути, а не по формальному статусу – в России, сотрудничать с коллегами на Западе. Надо всячески поддерживать серьезные кафедры, факультеты, журналы – их на пальцах двух рук можно пересчитать, но они существуют. Все то, где действительно закрепились политические дисциплины, а не что-то другое под этим названием, и где люди склонны, помимо всего прочего, к широкому самокритичному взгляду и на предмет, и на дисциплину. По-моему, сегодняшнее политологическое сообщество сродни тайному ордену (правда, что это такое – знаю только из художественной литературы). Политологи либо узнают друг друга по именам, либо опознают по каким-то тайным знакам профессионального достоинства.

С.П.: Несмотря на такую, не хочу говорить «пессимистическую»...

А.С.: ...реалистическую...

С.П.: ...реалистическую картину, в рамках этой реалистической картины можно ли всё-таки говорить о каких-то отдельных продвижениях, каких-то, не побоюсь этого слова, достижениях российской

политологии сегодня? Может быть, это какие-то направления, может быть это развитие каких-то прежних школ, если они сохранились и если они были раньше...

А.С.: Достижения, безусловно, есть. Принципиально не буду называть имён, потому что это всё-таки свободная беседа, а не академическая лекция, в запале одно имя назовёшь, другое упустишь, по случайности просто, и получится нехорошо. Есть, конечно, целый ряд очень серьёзных исследователей, есть ряд сложившихся коллективов, достаточно серьёзно работающих и, главное, достаточно глубоко формулирующих проблемы, – вот это нам сейчас нужно. У нас достаточно много – ещё в советский период они были и сейчас остались (не все, конечно, к сожалению), и новые появились, – довольно много людей, способных написать хорошую статью или хорошую книгу на важную тему. Это уже очень неплохо. Это среда – если такая среда будет действительно, пока ее как среды еще нет, но уже есть много людей и структур, способных выпускать статьи, сборники, монографии, есть прекрасные преподаватели – необходимое условие достаточно высокого уровня развития дисциплины. Однако для того, чтобы дисциплина состоялась, этого еще не достаточно. Необходимо, чтобы были люди, способные создавать концепции и делать открытия. Вот с этим у нас похуже. Я думаю, отчасти, потому, что не удается адекватно формулировать проблемы. Чтобы проблему решить, её надо, прежде всего, сформулировать. Недавно мы прощались с Германом Германовичем Дилигенским, – он был как раз одним из тех людей, которые могли создавать концепции и делать открытия. Для того, чтобы понять, как дальше развивать науку, следует, прежде всего, понять, что наука совершается через открытия и концепции, а не через написание аналитических отчетов, каких-то там обобщающих докладов...

С.П.: ...текстов...

А.С.: ...текстов прикладного характера: справок, рефератов... Все это имеет право на существование, но это – другое. Но, в конце концов, всё-таки жизнь богаче всяких схем, и научная жизнь тоже. Сегодня не так уж мало талантливых молодых людей, которые хотят учиться и учатся, ездят по всему миру. И видят – иногда – что из того, что делается в других странах, применимо к нам, а что – нет. Надеюсь, их опыт поможет избежать двух соблазнов. Один соблазн – это создание какой-то особой русской, российской, национальной политологии. Ничего национального, регионального, местного и т. д. в науке создать никогда не удавалось, наука универсальна, в том числе и гуманитарная наука, если это наука. Второй соблазн, прямо противоположного свойства, – думать, что можно просто присоединиться к какой-то зарубежной научной школе и в ее рамках делать то, что нужно для нас здесь и сейчас. Это совершенно не так. Потому что, естественно, в каждой развитой стране, чего-то стоящей в культурном, научном смысле, нужна своя политология, имеющая, при этом, универ-

сальную ценность. Которая решала бы проблемы, актуальные именно для этой страны в ее отношениях с внешним миром, конечно. Нам иногда кажется, что это случайно, что в такой-то стране в такой-то период сложилась одна школа со своими методами, а в другой стране в иное время – другая. Всегда остается вопрос, каково здесь соотношение индивидуального, случайного и общего, провоцируемого обстоятельствами. Со временем эти школы обособятся от конкретных обстоятельств своего возникновения и будут в конечном итоге обогащать науку в целом, входя в общий «банк концепций и теорий». Но это все сухая теория... А на практике, знаете, что сейчас в первую очередь нужно российской политологии *in statu nascendi*? Решение одной очень серьезной проблемы, которую решить, вообще-то говоря, проще простого. Простейшей проблемы, которая не решается уже многие годы и для решения которой нужно всего несколько десятков тысяч долларов. Один умный чиновник, впрочем, сказал мне, что лучше бы речь шла о десятках миллионах долларов... Совершенно необходимо создать профессиональный российский политологический журнал на английском языке. На настоящем английском языке. Несколько лет мы пытались решить эту проблему в «Политии» – хотя бы два раза в год, хотя бы раз в год издавать что-то периодическое на английском языке, но это деньги, которых у нас пока нет. Между тем это подход к решению проблемы связи с мировой наукой. В России всегда читали то, что публиковалось на Западе, на языках у нас читать, слава Богу, умеют. Проблема в том, что российских авторов не читают за рубежом по причине языкового барьера. В итоге многие российские публикации оказываются на обочине мировой политической науки вовсе не обязательно оттого, что их качество недостаточно высоко.

С.П.: А тех, кого публикуют на Западе, все еще очень мало.

А.С.: Думаю, дело даже не столько в количестве, сколько в контексте. Публикуют, как правило, работы, созвучные тем дискуссиям, которые в данный момент происходят в данной стране или в данной интеллектуальной среде, причем использующие, условно говоря, грамматику конкретного журнала, издательства и т. д. И пусть в них бросит камень тот, кто сам без греха. Мы в «Политии», в общем, делаем то же самое, хотя и пытаемся время от времени публиковать что-то как бы про запас и на всякий случай.

С.П.: Но неужели за последние одно или два десятилетия нельзя назвать никаких проблемных постановок, о которых Вы говорили?

А.С.: Нет, проблемных постановок, как Вы их назвали, немало. Посмотрите полемику в прессе, послушайте дискуссии на заседаниях ученых советов, на семинарах, на конференциях и т. д. По-моему, «проблемных постановок» с избытком, я бы убавил, пожалуй. Однако обращение к большим темам требует обеспечения – не только финансового, не только интеллектуального в абстрактном смысле – но и социального. Я говорю об артикулированном общественном запросе (что предполагает определенную культуру политической элиты) и о

готовности интеллектуальной среды – организованной интеллектуальной среды – ответить на этот запрос. В противном случае политолог будет напоминать взводного из анекдота, высказывающего из траншеи с истошным воплем «ура!», в то время, как его подразделение, и не собираясь трогаться с места, с ленивым любопытством обсуждает его, мягко говоря, имидж.

С.П.: Не связано ли это с тем, что всё-таки прервалась традиция, которая так или иначе формировалась, начиная с 60-х годов?

А.С.: Отчасти, да.

С.П.: Или там не было ничего такого, что можно было бы дальше продолжать?

А.С.: Было немало такого, что имело смысл продолжать и развивать. Существовали и существуют школы А.А.Галкина, Г.Г.Дилигенского, другие школы, где несколько лидеров, скажем – в МГИМО. Не случайно в «Политии» мы, кажется, первые из наших журналов, ввели специальную рубрику, посвященную сравнительно недавней истории политической мысли в России. Мы начали с конференции, посвящённой наследию Б. Поршнева, потом были статьи о школе А.А.Галкина, школе Г.Г.Дилигенского, школе МГИМО, и мы намерены продолжать эту рубрику. Мы в «Политии» постоянно говорим о преемственности нашей политической культуры в отношении дореволюционной России, но, при этом, не хотим, чтобы было забыто истинное научное наследие советского периода. Это было бы несправедливо и нечестно. Очень жалко, что сейчас существует несколько пренебрежительное или, по крайней мере, безразличное отношение ко всему без исключения, что делалось в те годы, как в те годы – к тому, что делалось до 1917 г. Делалось, подчас, с большим трудом. Упомянутые, и некоторые другие, школы работали на уровне, по крайней мере, не худшем, чем те, которые занимались сходными проблемами на Западе. В ряде случаев предлагались оригинальные методики исследований, делались достаточно широкие выводы и обобщения. Мне не очень нравятся, когда говорят, что все они ушли вместе с эпохой. Это слишком обще и, по сути, неверно. Во-первых, не все они ушли, во-вторых, некоторые умерли, как зерно, рождающее колос, в-третьих – некоторым помогли умереть или отказали в помощи в нужный момент. Некоторые из них могли бы сохраниться, но они нуждались в переформатировании. Однако для этого переформатирования не было ни времени, ни желания, ни «социального заказа», ни ресурсов, в конце концов. И они не смогли поместить свое знание, свой опыт, ресурсы, которые были, в новую парадигму. Прежде всего, потому, что в свое время не оказалось потребителей, а сегодня уже нет «коллективных исполнителей». Да и некоторых индивидуальных, увы, тоже.

С.П.: Алексей Михайлович, на Первом Конгрессе российских политологов в 1998 году Вы говорили о нескольких ипостасях деятельности политолога – о политических философах, политических теоретиках, академических исследователях, политехнологах и прочее.

Как вообще всё это соотносится: академическая наука и неакадемическая наука, политическая наука и политические технологии, наконец, обслуживание текущих процессов – на разных административных уровнях – от федерального до районного? Как соотносятся эти течения и собственно политическое знание?

А.С.: Все те группы, о которых я говорил в своё время, сохраняются, хотя, конечно, и трансформируются. Пожалуй, добавилась еще одна, которую Вы упомянули раньше, – очень своеобразная группа административных политологов. Это административная минисубкультура (как Вам нравится словечко? Но мы же о высоком говорим...), точнее даже, российско-бюрократическая субкультура. Люди, которые, сохраняя или приобретая ведомственную – или межведомственную – принадлежность, общаются друг с другом на квазиполитологическом (тоже неплохое слово, да?) языке. Это новое явление. Не скажу, что группа кристаллизовалась, может быть этого и не произойдет, но это некая новация как в отечественной политологии, так и в отечественной административной практике.

С.П.: Самооценка именно такова.

А.С.: Естественно, хотя, вообще-то говоря, предпосылки возникли еще в советский период. Однако сегодня людей этого круга несравненно больше, у них обычно есть соответствующие научные степени, иногда высокие. Не вижу в этом ничего дурного и, тем более, страшного. Согласитесь, лучше, когда отечественные чиновники общаются между собой на политологическом аргю, чем когда они, к примеру, ругаются матом. Появляются некоторые новые явления и другого рода. Некоторые политические аналитики, да и политики достаточно крупного калибра, которые не были чужды в последнее десятилетие применению политических технологий, всё чаще идут в образовательную сферу. Они занимают кафедры политологии, создают новые, возглавляют факультеты, читают курсы лекций. Кому на что сил хватает. Я не знаю, хорошо это или плохо в целом, как явление. У каждого отдельного случая своя специфика и своя биография. Пока это всё-таки не массовое явление, а совокупность отдельных случаев. Сегодня все это выглядит, скорее, неплохо. Такие люди иногда пытаются создать какие-то «звёздные» коллективы преподавателей, которые читали хотя бы по одной лекции, и это уникальная возможность для студентов услышать из первых уст то, что в противном случае надо было бы где-то искать, прилагая необходимые, вообще-то говоря, усилия. Станет ли это хорошей или плохой традицией – не знаю. Пока что это эксперимент. Вот, пожалуй, что здесь нового происходит. Что еще нового? Появляется молодёжь – несколько лет назад трудно было это предположить – интересующаяся политической теорией. Всё более требовательная молодёжь.

С.П.: Требовательная к уровню?

А.С.: Да, появляются претензии к уровню политологического образования и, я бы сказал, к системности предлагаемого знания. Не

всегда полностью оправданные, если использовать компаративистский подход. Одна моя юная знакомая, которая через год должна будет куда-то поступать, заявила: «Нет, я, пожалуй, на политологию не пойду, пойду на экономику – там хотя бы систематическое образование». Я рассказал эту историю знакомому экономисту. Тот вначале растрогался – я его хорошо понимаю – а потом расстроился (и в этом я его понимаю) и сказал: «Увы, экономическое образование у нас, к сожалению, тоже не дает системного знания».

С.П.: Кстати, а что Вас в своё время подтолкнуло к политологическому выбору?

А.С.: Ну, я всё-таки не считаю его стопроцентно политологическим...

С.П.: Тогда как Вы очертите поле, свое собственное, своих исследований?

А.С.: Все то, что представляется интересным в данный момент. Нет ничего актуальнее политической и социальной истории, истории культуры. Всегда, непрерывно, по мере необходимости и возможности – разные ответвления политической социологии. Возделывание своего садика, любовь к которому обычно зарождается, когда нет большого земельного владения. И даже если возникает реальная политика с прикладной политологией, остается привычка, склонность, предубеждения, наконец. Возделывать садик, копать землю, искать руду, переплавлять в металл. И правильно, что у нас за это никто никому ничего не платит – все это и так приятно. Хорошо, что еще дань не догадались брать. Пытаюсь работать в не очень модном сейчас жанре политической философии. Разве плохо – методами политической социологии определять значимость откуда-то вдруг возникающих проблем, формулировать их, как практические задачи, а потом стараться описывать их решение в политико-философских терминах?

Если говорить о каких-то более конкретных вещах – то стараюсь заниматься тем, что в данный момент выходит, как мне кажется, на первый план. Разумеется – теми проблемами, которые все-таки можно решить. Я однажды обжёгся – сгоряча попытался написать монографию о политической системе современной России. Благо до этого публиковал статьи о различных «ветвях» власти, о том, как принимаются решения, о так называемом «федерализме» и т. д. И в итоге пришел к выводу (может быть, субъективному), что такую книгу сегодня вряд ли можно написать и, главное, вряд ли нужно писать. Бывают такие состояния общества, которые не просто трудно, но и бесполезно – если не вредно – пытаться описывать как системные. Теоретически это возможно, однако взгляд на то, что можно интерпретировать как систему – извне этой системы – будет настолько «стратосферным», что почти утратит связь с текущей политикой, а политологии это, в общем, противопоказано. В этих случаях выручают культурология, история, даже – социология. Надо ещё много земли выкопать и руды

переплавить, чтобы только подойти к возможности написания такой книги. Проблема, которая меня сейчас особенно интересует – это современные формы социальной и политической организации – то, что я очень условно и приблизительно называю «социальными компьютерами» – в их соотношении с другими, более традиционными формами социальной организации. Продолжаю заниматься политическими институтами, политической культурой, конституционализмом, в том смысле, в котором Вы этот термин употребили в нашей беседе, то есть реальной, а не формальной только, конституцией государства. Надо всё-таки постараться понять, живущую, мыслящую часть какого организма мы представляем собой. В последнее время довольно много приходится писать о международных проблемах, это естественно. Сегодня ведется очень много разговоров о глобализации. Пытаюсь разобраться с реальными и мифическими – безоценочно! – аспектами этой проблемы, понять всё-таки ее реальный смысл. К сожалению, дискуссия развивается не всегда и не во всем плодотворно. Спорят о том, надо ли России интегрироваться в окружающий мир?.. Но она уже интегрировалась, уже два политических поколения сменилось с тех пор, как она стала открытой всем ветрам. Выбор уже за нас сделан. Теперь надо решать другие проблемы.

С.П.: К тому же у нас проекта никогда не было...

А.С.: Да, не было проекта. Отчасти по субъективным, отчасти – по объективным причинам. Как байдарочник скажу, скверная позиция – оказаться на пороге кормой вперед. Правда, бывает еще незавиднее – боком, но это уже совсем нехорошо... В последнее время приходилось также заниматься механизмом принятия политических решений. Существует, к примеру, проблема консолидации внешней политики. Четыре раза за последние годы Министерству иностранных дел предоставляли полномочия органа, координирующего внешнеполитические акции. При этом никто предыдущих решений не отменял. О чём это говорит? Очевидно, проблема неточно формулируется, и мы упорно ломимся то ли в открытую, то ли в замурованную дверь. Почему (не зачем!) ломимся? Я пытался показать, что не в субъекте только дело, что после распада Советского Союза произошла фрагментация внешнеполитических контекстов. Это объективно сложная проблема, с которой надо справляться профессионально. Осознанно, последовательно, не с наскока.

С.П.: Рядом ведь другая проблема, тяжкая реально и сложная аналитически: фрагментация не только внешнеполитического пространства, но и внутривнутриполитического. Очень трудно обнаружить конституцию организма, когда сам организм в разных версиях существует, например, «песочной», когда его задают каким-то образом. Возникает вопрос: а есть ли организм? Я бы ответил на этот вопрос отрицательно – организма нет.

А.С.: Я, между прочим, отвечаю на этот вопрос положительно: «Да, организма нет»...

С.П.: С одной стороны, не утверждаются общие основания для формирования этого организма, с другой стороны, само фрагментированное развитие не позволяет их утвердить. Причём абсолютно ясно, что мобилизационным образом проблема не решается. Ну, можно сделать эту квазивертикаль, но и она существует как что-то такое ни с чем не соотносящееся...

А.С.: ...и что делать? Молиться на неё? Дело пустое, однако ни на что другое она, к сожалению, тоже не годится.

С.П.: Это даже не позвоночник на самом деле, а скорее та самая шпага, которую глотают. А она, между прочим, может по пути что-то и повредить вообще-то.

А.С.: У настоящих факиров ничего она не повреждает. Шпаги надо уметь глотать. Но если серьезно, все это может стать следующей проблемой, которой я тоже хотел бы заняться. Подбираюсь потихонечку к этой проблеме, ее тоже, в общем-то, с ходу не решишь. Для этого надо провести довольно много специальных исследований, чтобы диагностировать эти вещи. Грубо говоря, чтобы болезнь точно диагностировать, недостаточно внешнего вида пациента, надо анализы сделать, рентгеновский снимок и так далее.

С.П.: Алексей Михайлович, Вы говорили о молодых людях и о том, что они требуют системности знания. Что отличает молодое поколение российских политологов, особенно будущих политологов? Какие проблемы волнуют политологическую молодёжь?

А.С.: Пока я ещё не решился бы все это как-то систематизировать. Можно назвать много проблем, но ранжировать их по значимости, я думаю, пока ещё рано. Сегодня в политологию приходят в основном люди не столько с культурологическим, сколько с прагматическим уклоном, они хотят быть либо политическими практиками, политиками, либо политическими технологами. Но сейчас уже многие начинают понимать, что без фундаментальных знаний это специальность – легковесная, не имеющая права считаться достойной частью системы высшего образования.

С.П.: Как один аспирант мне сказал после семинара в Нижнем Новгороде: «Подождите, значит, политологу надо знать философию, историю и прочее». Я говорю: «Да, вообще-то желательно кое-что читать...».

А.С.: Математику ещё.

С.П.: Да, математику. И всё-таки, про самых толковых...

А.С.: Я думаю, что сейчас их всё больше волнуют две разные проблемы, связанные между собой, подобно головам двуглавого орла. Это проблема России: что мы такое, почему мы такие, какие есть, и как нам сделаться такими, чтобы нам самим это нравилось.

С.П.: Почему Россия не Америка?

А.С.: Нет. Уже нет. Чтобы не мешали ездить в Америку, и чтобы зарабатывать, как в США – да. Как говаривал В.В.Розанов: «водочку под огурчик (или под грибочек, как там в оригинале?) – в этом смысле

и я октябрист». Но чтобы становиться американцами в России или русскими американцами – этого стремления, как статистически заметной реакции, лично я не замечал. И вторая проблема: каков тот мир, в котором предстоит существовать России, то есть всем тем, кто себя с ней отождествляет. Подозреваю, что эти две проблемы, как бы они ни формулировались в тот или иной момент – некая константа того эона, который еще не завершен. Но я, как и Вы – про самых толковых. Про других поговорим как-нибудь специально.

С.П.: Алексей Михайлович, воспользуюсь случаем, чтобы практическую задачу решить. Мы сейчас начинаем подготовку к следующему, третьему, конгрессу российских политологов, и в этой связи обсуждаем его основную тему.

А.С.: А что, уже третий конгресс? Видимо, речь идет о лейтмотиве...

С.П.: Да, конечно. На предыдущем конгрессе, как Вы помните, это было «Россия. Политические вызовы XXI века». Мы обсуждаем, в частности, то, о чём Вы фактически только что говорили, что-то вроде «Россия и мир».

А.С.: На предыдущем конгрессе я, по-моему, не был. Честно говоря, меня совершенно не волнует, как все это будет это называться. Все равно, каждый будет говорить о своём. Есть несколько тем, которые, назови общую проблематику хоть «Россия и Луна», обязательно будут обсуждаться. Я не большой специалист по организации политологических конгрессов. Наверное, должна быть предложена какая-то достаточно широкая тема (только не просите меня предлагать, я – пас). Пока что отечественная политология, как дисциплина, не созрела для того, чтобы посвящать конгресс какой-то одной яркой, действительно практически важной проблеме, и чтобы все участники, каждый, занимаясь, при этом, своей темой, был бы готов при обсуждении этой проблемы профессионально высказываться. Любая тема здесь и сейчас, неизбежно, будет шапочной, рамочной. Профессиональный разговор по такой теме вряд ли будет возможен между всеми участниками. Вероятно, смысл конгресса, если он вообще нужен, в том, чтобы каждому из участников на людей посмотреть и себя показать, чтобы присмотреться к происходящему в стане политологов – не без оговорок отношу самого себя к таковым. Все остальное – не так уж важно. Вообще, любой конгресс представителей любой дисциплины где угодно похож на светский прием. Главное, чтобы общество было в целом приемлемое и чтобы в меню не было слишком много неудобоваримого. Иначе кто-то не придет, а другие не придут в следующий раз. Все остальное рождается само собой и совершенно непредсказуемо. «Дух дышит, где хочет».

Июль 2002 г.